

Русское гражданское управление в Болгарии и проблема болгарских беженцев в свете становления болгарской государственности (1877–19.02.1878 гг.)

После начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в воззвании к болгарам от 10 июня 1877 г., подписанном Александром II, провозглашалась замена турецкой власти «правильным управлением» и было обещано, что к «деятельному участию в нем будут немедленно призваны местные жители под высшим руководством установленной для сего власти»¹. Еще осенью 1876 г. на совещаниях в Ливадии, в летней резиденции императорской семьи, при проработке вопроса о возможности вступления России в войну с Османской империей, обсуждались будущее болгарского народа и создание Временного русского гражданского управления на освобожденной территории. 16 ноября* 1876 г. была утверждена должность заведующего гражданскими делами при главнокомандующем действующей армии, на которую был назначен князь В.А. Черкасский (1824–1878), приобретший известность своей деятельностью в осуществлении крестьянской реформы в России и решении крестьянского вопроса в Царстве Польском (наделение крестьян землей и избавление их от гнета панов), а также на посту московского градоначальника (1869–1871 гг.). Должность заведующего гражданскими делами была приравнена к должности начальника полевого штаба, так как только эти два лица имели право на личный доклад у главнокомандующего.

* Даты даны по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

Несмотря на огромные трудности военного времени, вызванные, прежде всего, временными неудачами русской армии на Балканском фронте, князь Черкасский сумел в короткие сроки осуществить замену турецкой администрации новым аппаратом в освобождаемых землях, создав систему местных административных и судебных советов. Он исходил из того, что многие законы Османской империи, например, закон о вилайетах 1867 г., были удовлетворительными, но никогда не приводились в исполнение местной властью. Не ломая существовавших учреждений, Черкасский прекратил прежний произвол в отношении христиан и привлек к управлению представителей болгарского населения, призвав их «к новой деятельности под надзором русских чинов, но среди обстановки вполне всем знакомой»².

Было сохранено территориально-административное деление освобожденных земель, на которых к 19 февраля (3 марта) 1878 г. образовали 8 санджаков или губерний, включавших 56 каз, или округов. Начальниками (каймакамами) городов и округов, а также полицмейстерами назначались русские офицеры за небольшим исключением (в Систово губернатором стал болгарин Н. Геров, в Сливене — болгарин И. Иванов). Все прочие должности заняли болгары, в первую очередь, те из них, которые получили образование в русских учебных заведениях. Списки болгар, учившихся в России на казенный счет и на средства славянских комитетов и могущих быть полезными для гражданского управления за Дунаем, а также сведения о них князь Черкасский получил по своему запросу от управляющего Азиатским департаментом МИД России Н.К. Гирса, от председателей Петербургского и Московского славянских комитетов — соответственно А.И. Васильчикова и И.С. Аксакова³, из Одесского болгарского настоятельства, которое предложило еще и список болгар, известных членам настоятельства «по своей благонамеренности, как лиц, которым князь Черкасский мог давать поручения в Болгарии»⁴. Прибегали и к другим источникам получения нужной информации о возможных кадрах для администрации гражданского управления и, следовательно, будущего государства⁵.

Городским и сельским обществам предоставлялось полное самоуправление посредством административных советов, со-

стоявших из выборных лиц без различия народностей и вероисповедания. Судебные советы, таможенные учреждения наполнялись местными уроженцами, каковыми являлись и сборщики податей. Князь Черкасский облегчил налоговое бремя, отменив ненавистный болгарам бедель (подушный налог с христиан за освобождение от военной службы), изменив порядок взимания десятины (отмена ильтизама, т.е. откупа на сбор налогов) и заменив с 1878 г. десятину на поземельный денежный налог. Гражданское управление в Болгарии направляло свои усилия на обеспечение нужд русской армии, сохранение порядка на местах и на уменьшение бедствий войны для самого болгарского населения, в первую очередь, оказанием помощи беженцам из-за Балкан.

И.С. Аксаков точно определил характер деятельности Черкасского, ее «исполинский объем»: «Предстояло вводить гражданский строй в страну политически не существовавшую, которая даже не имела и признанных географических очертаний, которая была дотоле не более, как этнографическим термином...; здесь же совершался целый социальный переворот, перемещение слоев населения. Весь верхний, правящий слой — турецкий — снимался или уничтожался; с появлением русского войска бежало всё, от паши до последнего каваса, рушился весь административный порядок: надлежало вновь созидать всё, сверху до низу, спешно, без малейшего промедления. ...введением же гражданской организации Россия заявила, что призывает Болгарию к немедленному самостоятельному бытию. И князь Черкасский... с замечательным искусством решил эту, по-видимому, неразрешимую задачу»⁶.

Удивительно, но такой важной исследовательской проблеме как деятельность русского гражданского управления в Болгарии в 1877–1878 гг. (до Сан-Стефанского мирного договора) посвящено небольшое число работ. Их список открывает статья Д. Георгиевского «Гражданское управление в Болгарии в 1877–1879 гг.», появившаяся на страницах журнала «Наблюдатель» в 1882 г. как ответ, по словам автора, на «рассказы разных туристов, черпающих часто свои сведения из источников сомнительного свойства». Он достаточно кратко охарактеризовал основную деятельность князя Черкасского и гражданского управления и в качестве вывода повторил заключение генерал-лейтенанта Д.Г. Анучина

из его «Записки об основных принципах деятельности русского гражданского управления в Болгарии» от 28 февраля 1878 г. (Сан-Стефано): «...слова государя императора “задача России создавать, а не разрушать” получили полное применение в основных началах, принятых князем Черкасским для установления управления Болгарией»⁷. Впрочем, пристальное внимание Георгиевского было обращено на период, последовавший после подписания Сан-Стефанского мира и связанный с именем генерал-адъютанта, генерала от кавалерии князя А.М. Дондукова-Корсакова, получившего после заключения Берлинского мирного договора титул Верховного комиссара.

Несправедливые обвинения в адрес князя Черкасского, высказанные в заметке князя В.Д. Дабижа* на страницах журнала «Русская старина» (1888 г.), заставили генерал-лейтенанта Д.Г. Анучина, во время войны ближайшего сподвижника Черкасского по должности помощника заведующего гражданскими делами в Болгарии, выступить со статьей «Князь В.А. Черкасский как устроитель Болгарии», напечатанной в том же журнале. Через семь лет Анучиным была опубликована весьма обстоятельная работа «Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг.». В ее основу были положены дневник автора, состоявший из ежедневных и подробных писем (03.05.1877–02.04.1878 гг.), архивные документы и опубликованные материалы, ставшие библиографической редкостью. В нее также вошли сведения, представленные в предыдущей статье. Анучин осветил деятельность Черкасского по «восстановлению и поддержанию порядка в тылу армии», «в пересоздании всего административного строя страны и в подготовке ее к само-

* Князь В.Д. Дабиж (1823–1902), закончивший юридический факультет Киевского университета, служивший по Киевскому учебному округу и затем по министерству народного просвещения, с 1878 г. — тайный советник, прибыл в Сан-Стефано в феврале 1878 г. Он не был знаком с В.А. Черкасским и писал о нем и его деятельности со слов неких современников, имена которых не указал. См.: *Дабиж В.Д.* Сан-Стефано и Константинополь в феврале 1878 г. Заметки кн. В.Д. Дабижа // *Русская старина*. 1888. № 5. С. 483–487. Н.Р. Овсяный, разбирая личный архив князя Черкасского в Московском Румянцевском музее, нашел в пачке прошений о приеме на службу по гражданскому управлению в Болгарии и просьбу князя Дабижа, которая была отклонена. Овсяный полагал, что «личное неудовольствие вдохновляло» Дабижа, когда он писал свою статью о Черкасском. См.: *Овсяный Н.Р.* Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин // *Русская старина*. 1909. № 4. С. 369.

стоятельной деятельности в качестве свободного государства»⁸, проанализировал проекты князя, остановился на некоторых чертах его характера, раскрыл его взаимоотношения со многими чинами Главной квартиры Дунайской армии. Статья Анучина являет собой синтез важнейшего источника мемуарного плана и вдумчивого исследования о роли князя Черкасского в становлении болгарской государственности.

Следующий труд, «Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг.», вышел из-под пера военного историка Н. Г. Овсяного (1847–1913), генерал-майора (1909 г.), служившего временным губернатором г. Кюстендила (с февраля 1878 г. по апрель 1879 г.) и знавшего поэтому проблему глубоко и изнутри. В первой части сочинения — «Заведывавший гражданскими делами при главнокомандовавшем действующей армией д. с. с. князь В. А. Черкасский» (СПб., 1906) — автор, широко используя работу Анучина, привлек также документы из личного архива Черкасского, многие из которых опубликовал в приложении. Овсяный более подробно остановился на организации гражданского управления в Болгарии, разобрал ошибочное мнение о Черкасском главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, несправедливые суждения недоброжелателей Черкасского и привел высокую оценку его деятельности на этом поприще, прозвучавшую в речи И. С. Аксакова на торжественном заседании Московского славянского комитета 5 марта 1878 г. В 1909 г. на страницах журнала «Русская старина» была напечатана статья Овсяного «Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин», в которой содержались некоторые новые сведения о князе Черкасском⁹.

В 1958 г. увидела свет монография болгарского историка Г. Д. Тодорова «Временное русское управление в Болгарии през 1877–1879 гг.», по существу ставшая последней фундаментальной работой по этой проблематике, причем и здесь большая часть исследования была посвящена деятельности русского управления в Болгарии после Сан-Стефанского договора. Тодоров, на основе указанных трудов предшественников и опубликованных документов в шести выпусках «Сборника материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг.» под редакцией Н. Г. Овсяного, рассмотрел деятельность гражданского

управления и воссоздание органов управления болгарского государства в свете марксистского учения и используя его методологию.

В дальнейшем вопросы, касавшиеся деятельности русского гражданского управления в период войны, освещались в формате статей, авторы которых, как правило, уделяли больше внимания раскрытию следующего периода в его истории и становлению болгарской государственности (Хр. Гандев, С.А. Никитин, В.М. Хевролина и др.)¹⁰. До сих пор нет монографического исследования о жизненном пути князя В.А. Черкасского, в которое был бы включен всесторонний анализ его работы на поприще строительства нового государства в сложнейших военных условиях. Без сомнения, требуются новые скрупулезные поиски в архивах, прежде всего, в Российской Федерации, поскольку, как известно, весь архив канцелярии князя Дондукова-Корсакова, сохранявшийся в Софии, сгорел во время бомбардировок столицы Болгарии в 1944 г.¹¹.

Задача данной работы достаточно скромная — рассмотреть проблему болгарских беженцев, которую следует изучать не на локальном уровне, т.е. какого-либо города, например, г. Ловчи (совр. Ловеч), а в контексте всех мероприятий русского гражданского управления в Болгарии. Необходимо отметить, что в дореволюционной и марксистской историографии этот вопрос освещался достаточно схематично¹², поскольку не признавался особо актуальным. Привлечение опубликованных документов, писем и воспоминаний позволяет раскрыть указанную тему более глубоко в плане становления болгарской государственности.

Любая война несет неисчислимые бедствия мирным жителям, на территории проживания которых происходят сражения. Потоки беженцев — это скорбное лицо войны. В 1877–1878 гг. массовый исход болгар провоцировался не столько военными действиями, сколько стремлением болгар спастись от возмездия турок. Дело в том, что при приближении русских войск мусульманское население поспешно покидало свои дома и нередко «ознаменовывало свое бегство резней и грабежами»¹³. «Болгары, столь долгое время бывшие безответными рабами турок, увидя их разбитыми и униженными, с неудержимой ненавистью и ме-

стью набросились на тех мусульман, что не успели бежать с войсками. Турецкие дома были разграблены, мечети разрушены, а множество турок перебито самым безжалостным образом. Расправа народной Немезиды была ужасна»¹⁴, — писал Д.Г. Анучин.

Русские власти старались сдерживать болгар и сохранять всюду порядок. Но во время первого забалканского похода генерал-лейтенанта И.В. Гурко это удавалось только в городе, констатировал начальник штаба Передового отряда полковник Д.С. Нагловский. В окрестностях г. Эски-Загры (совр. Стара-Загора) запылали турецкие чифтлики* и турецкие деревни. Кроме того, «во время движения кавалерийских полков к линиям дороги большие толпы болгар следовали за полками, резали и грабили в тылу полков мусульманское население и предавали огню его имущество»¹⁵. Временное возвращение турок в Долину роз сопровождалось «невообразимыми истязаниями и ужасной резней». «Только быстрое и неожиданное занятие городов, как, например, Систово, Тырново, Софии, Филиппополя (совр. Пловдив. — *М. Ф.*) и др., спасало и от неизбежных зверств и разорения. Сладить с диким необузданным фанатизмом мусульман и с весьма понятными вспышками мести болгар не было никакой возможности»¹⁶, — свидетельствовал Нагловский.

В литературе распространено мнение, что турки жестоко расправлялись с болгарами за их радушный прием русских войск, но всё же главной причиной террора являлась реакция турок на погромы болгар их имущества и убийства мусульман, что убедительно доказывает пример Ловчи. (Город был освобожден от турок 5 июля 1877 г., а через 10 дней туда вошел сильный отряд Рифат-паши.) Профессор д-р Ст. Петков, спустя 50 лет, сетовал: «Никто не знал, что это взятие Ловчи было лишь актом рекогносцировки, но не длительное освобождение. Никто не догадался предупредить население, чтобы оно воздержалось грабить турецкие дома и лавки. Никто не вспомнил, что накануне появления

* Чифтлик — феодальное земельное владение, первоначально — пожалование, предоставлявшееся феодалам при условии уплаты ими десятины в казну или посылки одного воина для султанской армии. С конца XVI в. — это наследственное владение. В первой половине XIX в. чифтликом называлось крупное помещичье хозяйство. В воспоминании Нагловского чифтлик — это усадьба турецкого землевладельца.

русских турки не стали резать болгар и, убегая, ни на кого не посягнули, оставляя свое имущество на благоволение болгар». Он полагал, что турки при своем возвращении были бы милостивее к болгарам и оплатили бы той же мерой, если бы нашли свои дома и лавки в целости и сохранности¹⁷. Важно, что Рифат-паша остановил насилия над христианами города, когда его убедили в том, что преступления по отношению к туркам 5 июля вершили не жители Ловчи, а пришедшие с казаками болгары из Сельви (совр. Севлиево) и Тырново¹⁸.

Первый раз русские офицеры столкнулись с потоком беженцев после захвата турецким отрядом г. Ловчи 15 июля, когда толпы болгар, спасавшихся от турецкой мести, устремились в Сельви, Тырново и другие ближайшие города и селения. Генерал-майор Д.Г. Анучин тогда констатировал, что беглецов из Ловчи в Тырново было немного, и «последствия ловченской резни были скорее нравственные. Мы впервые убедились, что возвращение турок в оставленные было ими места губельны для христианского населения»¹⁹.

Совсем иной ситуация была после отступления Передового отряда Гурко из Долины роз летом 1877 г., куда вошло войско Сулейман-паши, возвестившее о себе пожарами, насилием и убийствами христиан. Беженцы из Иени-Загры (совр. Нова-Загора), Эски-Загры, Казанлыка и других городов и селений Забалканской Болгарии хлынули через Шипкинский перевал в Придунайскую Болгарию. Солдаты, стоявшие на перевале, сострадая несчастным, помогали им, чем могли, делились с ними сухарями и хлебом, специально запасали много воды, чтобы раздавать ее для утоления жажды утомленных крутым подъемом людей. «Беглецы благословляли солдат»²⁰. Поручик М. Чичагов, находившийся при Драгунской бригаде герцога Е.М. Лейхтенбергского, рассказал, как временно командовавший 36-м пехотным Орловским полком подполковник Линдстрем, выйдя на шоссе, увидел, что его солдаты предлагали свои миски с кашицей и щами проходившим болгарам. Подполковник заметил орловцам, что они останутся без обеда. А те отвечали: «Нам каждый день государь император еду отпускает: мы всегда сыты будем. А им, беднягам, неоткуда получить. Уж дозволейте, Ваше благородие, им

отдать». Линдстрем сказал: «Это — ваше дело, как знаете, запретить я вам не могу, а напротив, похвалю. Солдат должен быть не только храбрым и молодцом на службе, но человеком с душой. Таким поступком вы заставляете себя любить и уважать. Эти бедные люди будут вас благословлять, а я от себя скажу, что вы составляете гордость нашего государя и всей России. Спасибо вам, славным молодцам, спасибо не только от себя, а от всякого русского человека»²¹.

Капитан Орловского полка Скварковский также подтверждал, что солдаты уступали часть своего обеда, «а ужин обыкновенно весь шел в пользу беглецов». Однако «при всем искреннем желании не было никакой возможности удовлетворить голод этой громадной толпы, и многие должны были идти далее голодные и изнуренные». Капитан сообщал, что многие матери «бросали своих детей русским, а сами скрывались, зная, что дети их, по крайней мере, не умрут голодной смертью»²². Но впоследствии, из-за затруднений с подвозом продовольствия, «снабжение болгар сухарями было воспрещено»²³. Переселение беженцев с каждым днем принимало всё большие размеры. Штабс-капитан 5-й батареи 9-й артиллерийской бригады И.С. Поликарпов писал: «Быть может, эта раздирающая картина придала нам сил, решимости лечь до последнего, но не пустить врага далее!»²⁴

Рядом со штабом Шипкинского отряда доктора делали перевязки раненым болгарам. Полковник Ф.М. Депрерадович, командир 1-й бригады Болгарского ополчения, рассказал о нескольких раненых, в том числе 10-летнем мальчике, порубленном шашками, и молоденькой девушке, раненной в ногу. «Прискорбнее всего при этих сценах было то, что мы, русские, гораздо более сочувствовали пострадавшим, чем их же единоплеменники», — писал полковник. Ему пришлось «просто заставить проезжавшего мимо болгарина принять к себе на очень мало нагруженную подводу двух раненных мальчиков»²⁵.

Генерал-лейтенант инженерных войск В.Д. Кренке в своих мемуарах отмечал, что с 21 по 23 июля через Шипкинский перевал прошло «более 30000* болгарского народа с семьями и

* Подпоручик Болгарского ополчения Кисов писал, что 21 июля 1877 г. не только дорога, но и склоны южных Балкан были покрыты народом, который как муравьи

домашним скарбом»²⁶. Болгары были одеты «в лучшие платья, очевидно, с целью спасти их, но женщины шли босыми, ноги их по каменной дороге были изрезаны до крови, большинство из них голодало; солдаты наши делились с ними последним сухарем». «Мы, строители дороги на Балканы, бывшие свидетелями этого ужасного бегства народа, сознавали, что обаяние имени русского будет потеряно для болгар, так как русский отряд не мог защитить их от ярости турок», — писал Кренке. Он рассказал о том, как 22 июля он встретил «одну молодую болгарку, одетую хорошо, но усталую, изнуренную, голодную, с окровавленными ногами и несущую грудного ребенка; от голода и усталости у нее запеклись губы, иссякло молоко, и она едва была в состоянии произнести несколько слов». Русский генерал посадил ее в свой экипаж, дал «стакан красного вина, булку, рубль денег и подвез до той партии, от которой она отстала; проговорить благодарность она не могла, а только плакала». Через шесть месяцев, 13 января 1878 г., и почти на том же месте Кренке вновь повстречал эту женщину: она возвращалась домой, веселая, счастливая. Болгарка узнала генерала, «приостановилась, усердно кланялась и опять заплакала». Кучер Кренке заметил, что «это добрая встреча, что и мы, Бог даст, благополучно возвратимся домой»²⁷.

Беженцы из Ловчи не создали проблемы такого масштаба, как исход беженцев из-за Балкан несколькими днями позже. Весть о том, что турки режут болгар за р. Тунджей, 22 июля привез в Тырново, где находился в то время князь Черкасский, адъютант главнокомандующего штабс-капитан Е.М. Бибиков. Он сообщил также, что на Шипке невообразимый хаос от обозов и транспортов, и все окрестные поля по дороге от Балкан на Габрово и к Тырново опустошались беженцами²⁸. В тот же день русское гражданское управление выслало в Габрово на первоочередные расходы для беженцев 3.000 руб. Кроме того, директор дипломатической канцелярии А.И. Нелидов пожертвовал 500 лир; князь Черкасский, генерал-майор Анучин, тырновский губернатор ге-

полз по покатосям и скалам; всего народа было не меньше 250 тыс. человек // *Кисев С.И.* Из боевой и походной жизни 1877–1878 гг. Воспоминания полковника запаса болгарской армии. Перевел со 2-го испр. и доп. болг. изд. М. Горюнин [Предисл. «От переводчика»]. София: Придворная печатня братьев Прошек, 1903. С. 207.

нерал-майор М.А. Домонтович, тырновский полицмейстер капитан Генерального штаба Сухомлинов, правитель гражданской канцелярии полковник Л.Н. Соболев и некоторые другие лица собрали сумму в 31½ полумпериал²⁹.

23 июля габровский окружной начальник капитан Туркестанского стрелкового батальона М.Н. Маслов телеграфировал тырновскому губернатору о том, что город полон беженцев, и он отправляет их далее; постоянно прибывают раненные, а перевязочных средств не было, хлеба нет. «Город помогает насколько возможно. Утром кормили беглых. Приказал захватить частные склады»³⁰.

Раненных болгар (60 человек) поместили в два небольшие здания. Капитан Маслов писал князю Черкасскому 25 июля, что он привлек монахинь и горожанок, и они «живо притащили всё необходимое и ухаживают за ранеными». Капитан уверял, что на первое время они обеспечены, а затем он заставит город организовать постоянную больницу. При этом ему очень помогали габровский доктор Христов и доктор 5-й болгарской дружины Попов³¹.

Воспоминания русского врача П.Я. Пясецкого о положении дел с болгарской больницей в Габрово несколько отличаются от вышеуказанного письма капитана Маслова. По словам Пясецкого, раненных болгар (25 июля их было уже 70 человек) поместили в здании женского училища. Ввиду большого количества тяжелораненных, Пясецкий предложил свою помощь городскому врачу А. Христову, получившему образование в России. А тот попросил русского доктора принять заведование этой больницей, которую еще надо было устроить, а ему, как габровцу, это было очень сложно в силу известного изречения «Нет пророка в своем Отечестве». «У нас же эта истина имеет двойную силу, — с грустью говорил он. — Вы ведь видите уровень образования нашего общества...»³².

Болгарские раненные имели только крышу над головой и пищу, которую поставлял город. Нужны были лекарства, перевязочные средства, инструменты, кровати, белье, прислуга и многое другое. Город прислал прислугу, некоторые дамы и барышни, по преимуществу из учительниц, изъявили готовность помогать при уходе за ранеными. Поп Стефан взял на себя обязанности смотрителя и казначея. Агент Славянского комитета А.А. Нарышкин

занимался устройством детского приюта, а уполномоченный Общества Красного креста В.П. Глебов разрешил воспользоваться некоторыми необходимыми предметами из габровского склада при военном лазарете. 22 июля из Тырново в Габрово русским гражданским управлением, как отмечалось выше, были высланы 3 тыс. руб. на первоочередные расходы для беженцев³³.

В.А. Черкасский был глубоко убежден в том, что принять «беглецов, в числе которых много женщин и детей, на содержание и прокормление самим правительством есть, очевидно, дело невозможное», но «самое простое человеколюбие» вынуждает «озаботиться принятием необходимых мер к возможному их приросту и к предупреждению между ними болезней». Он считал, что «правительству должно прийти на помощь само общество и, наконец, самое главное, сами беженцы должны быть привлечены к деятельному изысканию средств к обеспечению своего существования частными заработками, общественными работами и вообще всеми доступными им способами»³⁴. Князь полагал, что к этой деятельности необходимо было подключить Славянский благотворительный комитет и Красный Крест.

В предписании тырновскому губернатору генерал-майору Домонтовичу от 24 июля 1877 г. Черкасский указал «безотлагательно озаботиться принятием соответственных мер», которые были затем последовательно перечислены. Первой и главнейшей из них было распоряжение об отправке к Шипкинскому перевалу для встречи и устройства забалканских болгар-беженцев трех офицеров под руководством полковника лейб-гвардии Семеновского полка П.А. Дометти, которые составили особую комиссию³⁵. Черкасский нашел полезным отдать в распоряжение Дометти также состоявшего при нем переводчика Н.В. Чалькова (Чальки), бывшего драгомана русского консульства в Филиппополе (1864–1877 гг.), и включить в эту группу священника Георги Тилева (1843–1912), заместника Филиппопольского митрополита, впоследствии архимандрита Феофилакта. (Он принимал участие в подготовке Апрельского восстания 1876 г., был арестован, судим, но сумел бежать в Россию, находился на попечении Одесского болгарского настоятельства и был им направлен в распоряжение князя Черкасского. На проезд в Болгарию и пропитание

священник и его семейство получили от настоятельства 206 руб. 80 коп. Сын Г. Тилева, Недко, был зачислен стипендиатом Петербургского благотворительного общества в пансион Ф.Н. Минкова в 1877 г.³⁶) Комиссия получила на первоначальные расходы около 18 тыс. франков³⁷. Часть этих денег пошла на покупку хлеба, который раздавали в Габрово и Дряново, другую часть выдавали на руки, как подчеркивал полковник Дометти, именно нуждавшимся беженцам, не успевшим взять с собой ничего. Помощь хлебом и деньгами была оказана 14375 чел., включая детей³⁸, докладывал Дометти в «Краткой записке о положении забалканских болгар-беглецов», представленной заведующему гражданскими делами при главнокомандующем 13 сентября 1877 г.

Чрезвычайно важной мерой, призванной облегчить положение беженцев, являлось их расселение в покинутых турками домах и позволение им убирать хлебные поля, принадлежавшие туркам. Черкасский предписывал, чтобы, в отличие от местного населения, беженцы оставляли себе не треть собранного урожая, а половину, другую же половину следовало откладывать и хранить под строгим надзором местных властей, чтобы впоследствии использовать для войск или «на другие неотложные нужды». Беженцы, расквартированные в болгарских поселениях, должны были на общих основаниях подчиняться местным мухтарам (деревенским или квартальным старостам, избираемым населением) и старшинам селений. Там, где они разместятся особым поселком в турецких селениях, они должны были выбрать себе старейшин, в обязанности которых входило бы соблюдение строгого порядка. Черкасский распорядился при необходимости выдавать беженцам хлеб из запасов, которые образовались после уборки урожая с турецких полей³⁹.

2 августа 1877 г. Черкасский дополнил свое предписание Домонтовичу указанием на то, чтобы была соблюдаема «возможная бережливость в интересах казны». При раздаче пособий необходимо объяснять беженцам, что оказываемое им пособие от правительства единовременное, что другого ждать не следует, и они сами должны озаботиться изысканием средств к существованию и, в первую очередь, уборкой оставшихся после турок «хлебных засевов и лугов»⁴⁰.

Офицерам поручили поселить беженцев в домах, покинутых турецким населением. Сначала комиссия заселила 3528 человек в двух деревнях — Ялово и Килифар, рядом с Дряново. Беженцы разместились по 5–6 семей в 160 турецких усадьбах. Для приобретения орудий для полевых работ им выдали по 2 фр. на человека и сверх того по 3 фр. на семью. В соседних селениях Ганчевище и Руне были обнаружены склады с хлебом, собранным в качестве десятины в 1876 г. (238 кг пшеницы). Этот хлеб через доверенное лицо был предоставлен в пользование беженцам. К 13 сентября беженцы были водворены в следующих населенных пунктах: Дряново (52 усадьбы), Тырново (до 900 домов), Раховец (60 ус.), Сеновац (50 ус.), Сушица (100 ус.), Арнаутлие (50 ус.), Синдикиой (50 ус.), Отиларе (100 ус.), Кара-Хасан (50 ус.), Иердувангли (20 ус.), Кром-Бунаре (30 ус.), Горни-Трамбеш (30 ус.), Драганово Село (50 ус.). Таким образом, офицеры сумели заселить беженцев примерно в 802 усадьбы в 14 селениях и в 900 домов в Тырново. Беженцы нашли также приют в селениях у Сельви и Трявны⁴¹.

При этом комиссия выбирала для беженцев селения, расположенные к северу от Тырново, рядом с нетронутыми покосами вдоль рек Янтры и Русицы, чтобы обеспечить их заработками на сенокосных работах⁴². Многие беженцы из Казанлыка, Каллофера и других городов имели родственников или знакомых в Габрово, Дряново, Тырново, где их приняли без особых возражений.

Агент Московского славянского комитета А.А. Нарышкин прибыл в Тырново из Систово 25 июля и сразу погрузился, по его словам, в исполнение «дела нерадостного», которого, как он надеялся, у него не будет в эту войну. В письме к И.С. Аксакову от 4 сентября 1877 г. он отметил, что все русские газеты не вполне верно изображали положение пострадавших болгар. Так, спасшиеся жители Эски-Загры не могли голодать, так как они бежали не в пустыню и не в неприятельскую страну. «Как ни скупы болгары, но из обильного своего достатка кое-чем делились с этими несчастными людьми»⁴³. Нарышкин, как и Дометти в своей записке, отметил у беженцев разный уровень материальной обеспеченности. Бежавшие из Эски-Загры «немного или ничего» не смогли унести с собой. Жители же окрестных деревень, а также

Казанлыка и его окрестностей ушли со своим скотом и повозками, нагруженными имуществом. Они расположились вокруг Габрово семьями и деревнями, пасли скот, варили пищу. Нарышкин удостоверился, что никто не просил милостыни, а русское начальство удивлялось, что не слышно ни о кражах, ни о нарушениях «чужого владения». На тот момент (в конце июля) пришлого населения из-за Балкан насчитывалось около 20 тыс. человек.

Как известно, 4 августа 1877 г. было издано распоряжение о формировании шести болгарских дружин второй очереди*. Но вербовка болгар в ополчение продвигалась с большим трудом. Ситуацию с беженцами расценили как весьма благоприятную для набора добровольцев, поэтому местные советы повсюду разослали глашатаев для приглашения записываться в ополчение. Однако за 10 дней в Габрово явилось только 100 годных к службе, их приняли в дружину, они ходили с песнями по городу, народ приветствовал их, но «напрасно развевалось знамя на доме», где шла запись в дружины; иногда приходили дети 13–14 лет, но их не брали. Тогда главный доктор Болгарского ополчения К. Бонев (1837–1882) организовал комиссию, которая приступила к рекрутскому набору среди местных жителей и беженцев⁴⁴. Таким образом была сформирована одна дружина новобранцев.

Однако в Тырново подобный опыт не принес успеха. Можно вспомнить, например, молодого Димитра Благоева, беженца из Эски-Загры, в будущем основателя Коммунистической партии Болгарии. Он предпочел опасной жизни ополченца переселение в Систово, где устроился на табачный склад, а затем отбыл в Одессу на учебу.

Жители одной из деревень в окрестностях Тырново подали прошение в Главную квартиру, в котором заявили, что если император действительно приказал набирать солдат из болгар, то они готовы исполнить его волю, но им кажется, что вербовщики их

* Первые шесть дружин, сформированные в Кишиневе, к 1.06.1877 г. состояли из 1 генерала (генерал-майор Н.Г. Столетов), 9 штаб-офицеров, 72 обер-офицеров, 7206 строевых и 238 нестроевых нижних чинов. 12 дружин Болгарского ополчения должны были иметь 1 генерала, 16 штаб- и 197 обер-офицеров, 12024 строевых и 396 нестроевых нижних чинов. К 16.08.1877 г. в них насчитывалось только 5573 нижних чинов. Эта цифра всё время снижалась: к 1.01.1878 г. — 4717 чел., к 1.05.1878 г. — 4406 чел. См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1. СПб.: Военная типография, 1900. С. 234.

«надувают». Им было разъяснено, что набирают только по доброй воле, и «собранная партия в несколько сот человек поспешила разойтись по домам»⁴⁵, констатировал Нарышкин.

Он также подчеркивал, что распоряжения князя Черкасского относительно беженцев от 24 июля 1877 г. остались фактически не выполненными, но не по вине командированных для этого офицеров. Вероятно, Нарышкин не обладал всей информацией, поэтому считал, что при всём старании офицеры сумели заселить лишь одну опустевшую турецкую деревню, в которой разместились около двух тысяч человек. Впоследствии в 2–3 селениях поселилось еще несколько семей беженцев, но большинство отказывались, и пшеница была убрана с турецких полей местными жителями.

Генерал Кренке, чтобы скорее закончить строительство дороги на Шипке, упросил Нарышкина выделить ему 600 руб., чтобы нанять рабочих из беженцев. Им объявили об этой работе, обещая за нее хлеб и 2 пиастра (40 сант.) в день. 6 августа явилось только 5 человек желающих⁴⁶. Во второй половине августа, когда стали возводить укрепления вокруг Тырново, болгары вышли на работу лишь после повышения заработной платы до 1 франка в день. Нарышкин видел причины такого состояния дел в следующих обстоятельствах. Многие болгары, особенно те, которые ушли из своих домов заблаговременно, забрали с собой все сбережения, а они, по его данным, «достигают до серьезных размеров у большинства поселян». На предложение селиться в турецких деревнях большинство отвечало отказом, объясняя, что не стоило здесь «обзаводиться», поскольку были уверены, что через несколько дней русские войска пойдут назад за Балканы, и им надо «поспешить вернуться на свои пепелища».

Убежденность болгар в своем неминуемом освобождении от турок заставляла смотреть на все претерпеваемые ими невзгоды как на преходящие, не порождая уныния. Нарышкин особо обращал внимание И.С. Аксакова на тот факт, что болгарский народ ожидал свое освобождение только от России, «не полагаясь на свои собственные силы». «Болгарин трудолюбив и бережлив, как муравей, совсем не то, что наш брат, трезв и скромн, но дух борьбы ему совершенно чужд. Проявление этого последнего от-

рицательного свойства в настоящих чрезвычайных условиях, апатия и эгоизм, который тоже часто бросается в глаза, возмущает русских, особенно молодежь, вызывает резкие суждения о цели войны, которая сто́ит нам столько жертв, приносимых за “недостойный” народ, который будто бы очень доволен своим рабским благосостоянием. Эти мнения и чувства развиваются под влиянием тяжелых, чрезмерных лишений и испытаний...»⁴⁷, — подчеркивал Нарышкин.

Вторая волна беженцев, устремившихся через Шипкинский перевал в первых числах августа, была намного мощнее первой и отодвинула прежних беглецов к Тырново и далее. Болгары жили в лесах по дорогам, располагались станом вблизи городов и в городах. Они дошли до Систово, в котором их насчитывалось до двух тысяч человек, и губернатор города Н. Геров просил у князя Черкасского субсидий из средств славянских комитетов.

Вопрос о числе беженцев сложен (встречаются разные цифры). Полковник Дометти в «Краткой записке о положении забалканских болгар-беженцев» от 13 сентября 1877 г. отмечал, что трудно определить в точности, сколько всего беженцев, так как они постоянно меняют свои места, «но нужно думать», что их до 100 тыс. человек⁴⁸. Овсяный писал, что количество беженцев из-за Балкан, а затем из Ловчи, Беброво и долины Лома увеличилось и достигло до 200 тыс. душ⁴⁹.

О бегстве жителей из г. Калофер сохранилось несколько воспоминаний, которые, однако, существенно различаются между собой. Так, Н. Иванов (1861–1940), впоследствии закончивший Академию Генерального штаба в Петербурге, утверждал, что старейшины Калофера, во избежание паники, скрыли от населения плохие новости о поражении русского войска у Эски-Загры, но предложили укрыться на время в горах Стара Планины. Жители налегке отправились в горы, не взяв с собой теплой одежды и ценностей. Деньги закопали, поскольку были уверены, что через несколько дней возвратятся в свои дома. Правда, в городе остались старики, чтобы охранять опустевшие дома от воровства, поскольку и некоторые любители легкой наживы не ушли в горы. Опасность для болгар и их имущества исходила и от цыган-мусульман, которые жили в отдельном квартале, но ощущали себя

настоящими турками. Часть беженцев (в том числе и Н. Иванов) дошла до Сельви, а другая часть нашла приют в Габрово⁵⁰.

Асен Кисьов (около 1864 г. — после 1907 г.), впоследствии чиновник в администрации, писал, что накануне праздника св. Ильи (20 июля /2 августа) как гром разнеслась по Калоферу весть, что нужно спасаться. Сборы семьи были недолгими, но его отец, который плохо видел, и старая бабушка остались в городе. Болгары, обремененные скотом и телегами, направились по руслу р. Тунджи, а жители, вышедшие налегке, — через перевал горы Марагидик (1889 м над уровнем моря) к Новоселу. Асен Кисьов вспоминал, как узка и камениста была тропинка в горах, как труден был подъем, как старик умолял проходивших болгар донести его жену, выбившуюся из сил, обещая щедро их вознаградить, а люди равнодушно шли мимо, как на верху горы, где было очень холодно, он увидел несколько брошенных и кричавших младенцев, но никто не обращал на них внимания. В Сельви они не скоро нашли пристанище. Шел дождь, вечерело, несколько женщин с маленькими детьми стояли на улице под навесом крыши, а местные жители проходили мимо, отводя глаза. Никто в этом сытом городе сам не предложил им крова. Женщины стали умолять хозяйку дома, и та сжалилась. Но ночью вернувшийся хозяин выгнал их на улицу, под дождь. Только на следующий день несчастных приютила другая семья. Дети хозяев с любопытством вглядывались в калоферцев, которые отличались от местных жителей и одеждой, и женским головным убором, и манерой повязывать платок, даже говор их был другим⁵¹.

Князь Черкасский вместе с канцелярией гражданского управления скоро переехал из Тырново в Горный Студень (совр. Горна-Студена), где находились главнокомандующий и Главная квартира. Нарышкин, как и другие чины русского гражданского управления, отдавал себе отчет в том, что справиться с проблемой беженцев без участия местного населения было невозможно. Первый приют для сирот и убогих, как уже упоминалось выше, он открыл в Габрово (с 1 августа в нем призревалося 235 человек) и передал его в ведение комиссии из четырех пожилых граждан, избранных местными советами, и своему поверенному председателю суда А. Манолову⁵², который закончил Московский

университет и работал учителем в родном Габрово. Эта комиссия заведовала также раздачей хлеба.

14 августа Нарышкин телеграммой сообщил Аксакову о том, что и в Тырново он устроил приют «сирот убогих», а женщинам, обремененным детьми, раздавали хлеб. («Идет масса народу»⁵³.) Он отправил восемь девочек-сирот в Москву на попечение А.Н. Стрекаловой (1821–1904)⁵⁴, председательницы дамского отделения Московского славянского комитета, которая открыла приют для детей убитых воинов. Однако предпринимаемые усилия Нарышкина и нескольких офицеров гражданского управления не смогли кардинальным образом изменить ситуацию в отношении детей-сирот.

Председатель Кишиневского болгарского благотворительного общества И.С. Иванов во время своей поездки в Тырново увидел печальную картину: «одни круглые сироты — девочки и мальчики — массами теперь ходят по дорогам и улицам в городах и селах и собирают подаяния для своего пропитания». Иванов считал, что «из этих круглых сирот можно было бы приготовить учительниц и учителей и заменить ими тех злосчастных болгарских деятелей, которых истерзали варвары-турки». Он предлагал осуществить воспитание болгарских сирот на средства уездных, губернских земств и городских обществ России, что явилось бы великим благодеянием для болгарского народа. В письме от 2 сентября И.С. Иванов приглашал И.С. Аксакова поучаствовать в этом деле, чтобы «дать обновленной жертвами России Болгарии здоровые элементы для ее будущего нравственного развития»⁵⁵.

В Тырново Нарышкин организовал также Славянское благотворительное общество, которому передал заведование приютом. В него вошли все зажиточные жители города и все образованные болгары, вернувшиеся на родину благодаря войне. Председателем был выбран архимандрит Стефан, «человек умный и деятельный». Губернатор официально разрешил деятельность общества, проект устава которого послали князю Черкасскому на утверждение. Нарышкин также являлся членом этого общества и контролировал все его распоряжения, особенно насчет выдачи денег, так как они находились в его распоряжении. Но денежный фонд общества рос медленно. Минимальный член-

ский взнос составлял 12 франков; 4 сентября число членов было около 100 человек. Других пожертвований практически не было. Тем не менее Нарышкин надеялся, что через проповедь в церквях и устные приглашения начнутся «благотворения»⁵⁶.

С октября забота о приюте перешла в ведение женского благотворительного общества «Милосердие»⁵⁷. Оно было основано 1 августа 1877 г. по инициативе Евгении Кисимовой (1831–1886), ставшей его председательницей. Ее родители и муж принадлежали к сословию богатых торговцев. В задачу общества «Милосердие» входил сбор материальных средств, одежды, продуктов для беженцев из-за Балкан. Общество также направляло женщин ухаживать за ранеными и больными. Из опубликованной приходо-расходной ведомости общества за 1877 год видно, что наибольшая его активность приходилась на первые недели пребывания беженцев из-за Балкан в Тырновском округе: 6 и 14 августа им раздавалась одежда, собранная в Тырново, Арбанаси и Лясковце, 4 сентября — пшеница из 6 мешков (660 оки*), собранных в Долно Оряховице; в тырновскую больницу послали 18 ведер вина из Долно Оряховицы и 359 шт. разных вещей, а приюту подарили 30 мешков с одеждой и разными вещами⁵⁸. И всё.

В Тырново Красный Крест, вероятно, в лице его агента Нарышкина, чтобы помочь женщинам заработать на пропитание, устроил мастерскую для пошива вещей, необходимых раненым и больным. С 1 августа в ней получили работу до 1000 человек и за два месяца израсходовали более 23 тыс. франков (до 7000 руб.). При необходимости здесь за сутки могли изготовить до 200 перемени белья⁵⁹. Эта мастерская также была передана в ведение болгарского священника Г. Тилева⁶⁰. Кроме того, вследствие убеждения тырновского городского совета жители добровольно уступили беженцам предметы, захваченные ими у убежавшего турецкого населения⁶¹. В Тырново, Дряново, Сельви, Ряховице и Травне за счет местных жителей были отремонтированы несколько турецких домов, куда поселились на зиму вдовы и сироты. Им выдавали и топливо⁶².

Третий приют Нарышкин создал в Дряново, и нашлись четыре надежных человека, которым он доверил его управление.

* Ока = 3 фунта; 1 фунт = 0,45359237 кг.

В Ловчу агент Московского славянского комитета не поехал, поскольку решил, что в этом городе бежавших из других мест быть не может, но всё же выдал денег подполковнику Спокойскому-Францевичу, назначенному на должность окружного начальника. «Он либо устроит приют, либо возвратит мне деньги»⁶³, — сообщал Нарышкин Аксакову. В Ловче появился детский приют на 100 человек⁶⁴, который осмотрел П.В. Алабин, о чем и сообщил И.С. Аксакову в письме от 14 декабря.

В октябре 1877 г. Петр Владимирович Алабин (1824–1896) принял предложение Московского и Петербургского славянских комитетов «принять обязанность главного агента этих обществ в Болгарии при действующей армии» вместо Нарышкина. Получив известие о падении Плевны, Алабин поспешил туда — «для подаяния помощи пострадавшим от долговременной осады жителям». От имени славянских комитетов он предложил горожанам образовать свой комитет вспомоществования пострадавшим жителям Плевны и его окрестностей. В число его членов записалось более 60 человек. Из них избрали особую комиссию для управления делами общества из семи человек, в числе которых были две женщины. Алабин выдал 2000 франков (пополам от Московского и Петербургского комитетов) на удовлетворение нужд самых бедствовавших жителей⁶⁵.

Вернувшись из Плевны в Тырново, Алабин застал в городе Нарышкина, и вместе они попытались улучшить организацию управления детскими приютами. Поскольку князь Черкасский передал значительную сумму в распоряжение местного губернатора для помощи беженцам (об этом чуть ниже), то было решено уменьшить число призреваемых в приюте, который содержался на средства славянских комитетов, при этом организовав другой приют на счет правительственных средств. Из них же стали финансировать родильный дом и приют для бездомных стариков и старух, устроенные Нарышкиным в Тырново. Впоследствии Алабин докладывал Петербургскому славянскому обществу (28 октября 1878 г.), что на содержание приютов в Тырново и Ловче за всё время их существования по июль 1878 г. было потрачено 39464 фр. 74 сант., а также 2000 фр. на медикаменты, выданные из аптеки детям в приюте и болгарам-беженцам, которым требовалась медицинская помощь⁶⁶.

В освобожденном Филиппополе в январе 1878 г. Алабин, используя опыт Нарышкина, пригласил болгар организовать комиссию под председательством архимандрита Синесия — «для подаяния первоначальной помощи наиболее нуждавшимся вдовам и сиротам болгарам», и для начала выдал комитету 350 фр.⁶⁷.

Жители Тырново и Габрово удерживали Нарышкина от излишних трат, особенно решительно возражая против выдачи беженцам денег. Нарышкин считал, что сумма в 3 тыс. руб., которая по распоряжению князя Черкасского раздавалась беженцам в самом начале, принесла скорее вред, чем пользу, потому что деньги давались всем без разбору и в такое время, когда нужда еще не была столь ощутима. Теперь же пособия распределялись весьма осмотрительно: собирались женщины с детьми, группировались по тем населенным пунктам, где они проживали прежде, проверялось их материальное положение, действительно ли у них нет мужей или собственных средств к существованию. Нарышкин замечал, что «без греха дело не обходится». Так, одна женщина, получив хлеб, случайно уронила что-то из-за пазухи — оказалось, это мешочек с золотом.

В начале сентября в Тырново и Габрово получали хлеб от 1500 до 2000 человек. Нарышкин подсчитал расходы: при выдаче 1 пиастра (20 сант.) в день на человека при 2 тыс. нуждавшихся в Тырново и Габрово следовало потратить в месяц 3 тыс. руб. золотом, если число бедствовавших не увеличится. В указанную сумму не вошли расходы на содержание четырех приютов (в Габрово, Тырново, Дряново, Ловче). Нарышкин полагал, что беженцы пробудут здесь всю зиму, а кассы славянских комитетов в Москве и Петербурге опустели, пожертвования теперь потекли в Красный Крест⁶⁸.

Агент Московского славянского комитета П.Ф. Мусевич предлагал И.С. Аксакову (в письме от 14 сентября 1877 г.) иной вариант решения проблемы беженцев, исходя из своего восьмимесячного опыта оказания помощи в 1876 г. в качестве агента Московского славянского комитета и Русского благотворительного комитета* сербам и болгарам, пострадавшим в результате

* Русский благотворительный комитет — благотворительного комитета с таким названием не существовало. В 1876 г. пожертвования для пострадавших балкан-

подавления восстания в Боснии и Герцеговине (1875 г.) и Апрельского восстания (1876 г.). По его сведениям, в начале сентября 1877 г. в Тырновском и Систовском округах число беженцев из-за Балкан не превышало 40 тыс. человек. Мусевич, поскольку сам был болгарин, хорошо знал положение дел болгарского населения в Османской империи и утверждал, что все болгары-беженцы до войны были довольно состоятельными людьми, и после войны земледельцы останутся собственниками своих земель и виноградников, а ремесленники смогут «заработать свой хлеб, где бы они не находились». Мусевич советовал раздавать деньги от славянских комитетов не безвозмездно, а взаимобразно, но без процентов. После окончания войны в непродолжительном времени эти болгары смогут возратить полученные ими вспомоществования, которые можно будет употребить в пользу народного образования. Мусевич, опираясь на практику 1876 г., пришел к выводу, что «давать кому-нибудь даром пособия для существования, т.е. даром кормить его, значит — сделать его несчастным, ибо он привыкает жить на чужие средства, и у него совершенно, хотя постепенно, исчезают мысли самому заботиться о своем существовании»⁶⁹.

Помимо семей ремесленников и крестьян среди беженцев были вдовы, которые могли заработать себе на хлеб. Им следовало только помочь найти работу: общества, организованные из местных женщин-болгарок, должны были поставлять им материалы, чтобы беженки их обрабатывали. «Даром кормить придется» лишь немощных стариков и старух, а также малолетних детей, общее число которых не должно превышать 4–5 тыс. человек.

В 1876 г. в Сербии содержание одного человека обходилось в 4 коп. в сутки, в месяц — 1 руб. 20 коп., а помощь оказывалась 14 тыс. пострадавшим. Они получали достаточно хлеба, соли, два раза в неделю мясо и фасоль. В эту сумму входило также обеспечение свечами, мылом, дровами, наем квартир нуждавшимся, а также содержание врача. В Болгарии в 1877 г. всё было дороже, чем в Сербии, но Мусевич утверждал, что человеку на проживание хватало 12 коп. в сутки. Однако Нарышкин назначил

ских славян собирали благотворительные комитеты: Московский, Петербургский, Киевский и Одесский.

по 16 коп. в организованных им приютах. Разница в 4 коп., если кормить 5 тыс. человек, вырастала в 6 тыс. руб. в месяц, которые можно было употребить на другие нужды⁷⁰. Впрочем, предложение Мусевича не было принято в Москве.

Но шло время, и ситуация с беженцами стала меняться, поскольку запас собственного хлеба и денег у них истощался, и стали чаще раздаваться жалобы на кражу кукурузы, винограда, арбузов. Их воровали и продавали на базаре в Тырново. 3 сентября избили жандармов из болгар, которые попытались остановить похитителей⁷¹, писал Нарышкин Аксакову. Генерал-лейтенант Анучин сообщал, что взаимоотношения между местными жителями и беженцами были очень сложными, из-за недостатка продовольствия происходили столкновения. Нередко местные жители, спасая свои поля, «науцали беженцев грабить соседей». Так, «жители Севлиевого округа ходили грабить жителей Габровского и обратно». Формировались шайки из беженцев, а их главарями и проводниками становились местные жители. Они шли на разбой, «не останавливаясь даже перед сопротивлением властям». Анучин приводил некоторые данные из официальных материалов. Так, 1000 болгар севлиевого и габровского округов захватили сложенные в полях копны, принадлежавшие крестьянам д. Ялар (близ Дряново), и руками вышелушили их. Владельцы бросились на грабителей, но те, побуждаемые сильным голодом, ожесточенно защищались с оружием в руках. Несколько человек было задержано, но на другой день, «сжалившись над отчаянным положением голодных жен и детей арестованных, страдавших в открытом поле», тех отпустили, причем оставили им собранную накануне пшеницу, кукурузу и овес. Через несколько дней, 29 августа, нападение на кукурузники с. Ялар повторилось. Местный мюдир с жителями, полицейскими и тремя жандармами попытались защитить урожай, произошла драка, один из полицейских (М. Илиев) был ранен в голову. Задержанные (более 100 человек) объяснили, что «они принуждены к грабежу голодом и подстрекались габровцами, которые и предводительствовали ими»⁷².

4 сентября тырновский губернатор генерал-майор Домонтович собрал городской сход, на котором предложил очистить 20 турецких домов для беженцев и сделать в их пользу сбор.

В его воззвании беженцам предлагалось селиться по пустым турецким селениям и собирать в полях кукурузу и просо, поскольку пшеница уже была сжата местными жителями⁷³. Д. Ганчев, уроженец Лясковца, переводчик штаба действующей армии, писал, что Домонтович самым строгим образом приказывал, чтобы в городах и селениях местные власти предприняли самые энергичные меры по оказанию беженцам помощи. Но поскольку его вера в то, что только письменными распоряжениями можно было справиться со злом, была мала, он отправлял офицеров, состоявших у него на службе по особым поручениям, контролировать их выполнение⁷⁴. Так, Ганчеву довелось в качестве переводчика сопровождать штабс-капитана Исакова в с. Горна Оряховица и Лясковец. В первом селении беженцы мыкались по улицам, под навесами, в хлевах. Более понятливые и более интеллигентные жители постарались выполнить поручение: малочисленные семьи переселили в другие дома, а на их место заселили беженцев. Правда, без протестов и жалоб не обошлось. Но с заданием русский офицер справился за один день. А в с. Лясковец члены общинного совета и кмет не имели ни желания, ни доброй воли исполнить предписание Домонтовича, да и крестьяне не хотели слушать не пользующееся у них авторитетом местное начальство. Ганчев свидетельствовал, что дело дошло даже до драки. Исаков ударил несколько человек кнутом. С огромным трудом сумели разместить по домам только около сотни беженцев. С другой стороны, крестьяне с. Лясковец жаловались Ганчеву, что они боялись оставлять чужих людей в своих домах, когда уходили на полевые работы. Вечером по возвращении они обнаруживали, что не всё было в доме на своих местах: куры и одежды исчезали. Беженцы не хотели работать, помогать хозяевам, давшим им приют. И такое положение, по словам жителей Лясковца, наблюдалось и в других селениях — в Долной Оряховице, Драганово, Самоводене⁷⁵.

13 сентября полковник Дометти представил князю Черкасскому краткий отчет о положении забалканских болгар-беженцев, легший в основу доклада «О мерах к призрению беженцев-болгар в Тырновском, Систовском и Рушукском санджаках», который князь подал главнокомандующему 14 сентября 1877 г. В нем

были перечислены все мероприятия, предпринятые за полтора месяца, и указано, что в виду наступления осени и зимы «самые меры призрения» должны быть усилены и их исполнение должно быть предоставлено на месте губернаторам. Князь считал целесообразным: оставить в полной силе прежние распоряжения о том, чтобы крестьяне расселялись по опустевшим турецким усадьбам, а городское население — «по городам и местечкам», и оказывать призрение «со стороны правительства и общества» путем выдачи пособий преимущественно натурой, т.е. хлебом, только дряхлым, престарелым и малолетним, а также тем кормильцам, которые «непосильно обременены семейством».

В населенных пунктах, где размещены беженцы, следовало образовывать специальные комитеты «из лучших местных жителей и некоторых лучших беженцев» для раздачи пособий под руководством окружных начальников, которые могли привлекать офицеров или чиновников гражданского ведомства из русских или болгар, а также священнослужителей. Необходимо было составить списки лиц и семейств, которые обеспечивались пособиями, при этом половину расходов брало на себя русское правительство, другая часть должна была собираться местным обществом. Губернаторам предоставлялось право использовать все оставшиеся турецкие запасы зерна, правительственные и частные, кроме переданных в ведение интендантства, а также весь хлеб, собранный болгарами с турецких полей и хранящийся на специальных складах, и тот хлеб, который остался в результате реквизиций, произведенных войсками. Беженцам отдавался и скот бежавших турок, имевшийся в наличии после реквизиций.

Кроме того, в распоряжение губернаторов поступали ассигнования золотом: для тырновского — 20 тыс. руб., систовского — 5 тыс. руб., рушукского — 3 тыс. руб.⁷⁶, с октября 1877 г. для тульчинского — 2 тыс. руб. ежемесячно⁷⁷. Деньги выдавались из высочайше утвержденного авансового кредита в 500 тыс. руб. «по смете расходов полевого управления армии», находящегося в распоряжении главнокомандующего — «на производство текущих по гражданскому управлению расходов впредь до поступления местных болгарских сборов и на условиях пополнения расходов этого кредита из сих сборов»⁷⁸.

Черкасский считал, что необходимо было продолжать, по мере возможности, пособия и от Славянского комитета. Князь предусматривал и такую меру помощи: брать на работы, прежде всего по ремонту шоссе и дорог, преимущественно беженцев с надлежащей платой. Доклад Черкасского был утвержден главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем 9 октября 1877 г. в Горном Студне⁷⁹.

В начале ноября Черкасский подал докладную записку главнокомандующему об использовании доходов с имуществ бежавших турок на содержание болгарских беженцев. Князь получал сведения о поступлении в местные казначейства денег от «продажи скота или иного рода движимого имущества» бежавших турок, а также от аренды их мельниц, виноградников и другого недвижимого имущества. «Нет сомнения, — рассуждал Черкасский, — что самая строгая справедливость требует, чтобы расходы на содержание забalkanских беженцев не падали исключительно на счет болгар систовских или тырновских, или, еще менее, на счет нашего правительства». Он полагал, что меры призрения неимущих и нуждающихся, «как общее земское дело», должны касаться «всех вообще собственников и жителей, без различия веры и национальности». Это предложение князя Черкасского было поддержано главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем⁸⁰.

Наступление осенней непогоды заставило гражданское управление вернуться к вопросу о расселении беженцев, которые прежде не желали связывать себя постоем в чужих домах, надеясь на скорую победу русского оружия. Дело организации было предоставлено тырновскому городскому и окружному советам (в октябре 1877 г. генерал-майор Домонтович получил отпуск и уехал в Россию лечиться). 4 октября предписание председателя тырновского окружного совета В. Берона о порядке приема и размещения болгарских беженцев из-за Балкан поступило мухтарам и старейшинам округа. В нем указывалось, что местные жители, не пострадавшие от турок, должны приютить в своих домах беженцев, которые «ходят голодными, голыми, босыми и бездомными», а также поделиться с ними едой, за что беженцы в свою очередь должны работать на тех, кто их будет кормить⁸¹.

12 октября тырновский вице-губернатор Д. Цанков* составил инструкцию для мухтаров и старейшин о порядке устройства беженцев. Первым пунктом стояло требование размещать в домах и кормить столько постояльцев из беженцев, сколько в селе или в городском квартале имелось домов. За одного постояльца считался или один ребенок, или один мужчина, или женщина с грудным младенцем или ребенком до 8 лет. Причем, женщина с несколькими малолетними детьми подселялась в дом, хозяину которого вменялось прокормить двух, трех и более человек.

Если же мужчина-беженец не желал разлучаться со своей женой и детьми, то его не следовало кормить, как и женщину, не покинувшую своих детей старше 8 лет⁸². Требование о разделении семей встречало неприятие со стороны беженцев, они негодовали, жаловались, и впоследствии эта мера была отменена⁸³.

Все беженцы (мужчина, женщина или ребенок старше 8 лет), получившие кров и пищу, должны были работать по дому на хозяина. А тот обязывался кормить их теми же блюдами, что ели он и его семья.

Прежде всего было необходимо составить списки домовладельцев с указанием, сколько человек может проживать и кормиться в том или ином доме. Цанков принимал во внимание то обстоятельство, что некоторые местные болгары сами едва сводили концы с концами — с таких снималась повинность кормить беженцев и перекладывалась на тех, кто мог прокормить двух, трех и более человек. Списки с подписями, заверенные печатью, направлялись в тырновский окружной совет, а также передава-

* Драган Киряков Цанков (1828–1911) — болгарский политический деятель, учился в Одессе и Вене, был одним из инициаторов и активным организатором унии болгар с католической церковью (1860 г.), принял католицизм, поскольку смотрел на борьбу против России и православия как на борьбу за прогресс и цивилизацию. С 1864 г., приглашенный в Русчук Мидхат-пашой, управлявшим Дунайским вилайетом, Цанков длительное время состоял на турецкой государственной службе. При этом он много внимания уделял развитию просвещения у болгар, написал краткую историю Болгарии (1868 г.), редактировал болгарские журналы. После Освобождения играл заметную роль в политической жизни страны, занимая важные посты (в апреле — декабре 1880 г. возглавлял правительство). Активным сторонником ориентации на Петербург Цанков стал после прихода к власти Ст. Стамболова (1887–1894 гг.) и вынужденной эмиграции в Россию, где он жил на пенсию от русского правительства. После падения режима Стамболова вернулся в Софию и вновь был избран в Народное собрание. Цанков, сформированный как деятель в традициях искусной восточной дипломатии, всю жизнь умело лавировал между личностями, партиями и странами.

лись мухтару, который и расквартировывал прибывавших беженцев. Если же хозяин отказывался принять указанное в списке число беженцев, мухтар обращался за содействием в совет старейшин. Если и тогда хозяин упорствовал, дело передавалось в тырновский окружной совет. Последний назначал трех надзирателей, которые должны были помогать расселять беженцев и наблюдать за порядком исполнения хозяевами и беженцами обязательств по отношению друг к другу. Надзиратели проверяли и старейшин: точно ли они указали число домов и беженцев, в них размещенных. Почти в каждом населенном пункте имелись и такие беженцы, которые поселились в турецких или болгарских домах и сами находили себе пропитание. Их не следовало было смешивать с обездоленными соотечественниками.

Совет старейшин подлежал строгому наказанию, если пришедшие в их поселение беженцы, застигнутые темнотой, не размещались по домам, а оставались на дороге или под навесом. Если в селении имелись места в домах, то беженцев следовало немедленно направить туда. Если же все дома были заполнены, то их должны были устроить на ночлег и накормить, а поутру отправить в другое селение, где еще остались незанятые дома. Беженцы, которые намеревались прийти в Тырново с жалобой, должны были взять письмо из совета старейшин, без которого они не могли быть приняты в окружном совете. Беженцам строго запрещалось просить милостыню по домам и на улицах⁸⁴.

17 октября 1877 г. в церкви «Св. Константин» состоялось собрание граждан Тырново, которое полностью поддержало «Инструкцию» Цанкова, постановив, что каждый житель города обязан принять в своем доме и кормить столько человек, сколько указано в списках, составленных мухтарами. Тот, кто не желал поселить в своем доме назначенных к нему беженцев и кормить их, должен был заплатить авансом мухтару по 45 грошей за каждого беженца⁸⁵.

Благодаря имеющимся в нашем распоряжении документальным материалам можно узнать, как воплощались в жизнь постановления русского гражданского управления в Болгарии и местных городских и окружных советов.

Следует подчеркнуть, что требование «Инструкции» Д. Цанкова о предоставлении в тырновский окружной совет списков

о состоянии жилищного фонда и наличии свободных домов было весьма своевременным, поскольку нередко окружной совет Тырново или городской совет Габрово направляли беженцев в населенные пункты, где давно уже всё было занято. Так, уже в самом начале октября Трявна и с. Драганово были переполнены, причем 84 дома Драганово приняли 500 человек⁸⁶. Имелись случаи попыток обхитрить вышестоящее начальство. Так, старейшины с. Ресен возвратили предписание тырновского окружного совета о поселении 31 беженца, сославшись на свою неграмотность. Д. Цанков возмутился, поскольку слышал, что в селении проживали учитель и поп⁸⁷.

Д. Ганчев свидетельствовал, что отношение местных жителей к беженцам нередко было весьма далеким от христианского милосердия и сострадания. Многие, например, кмет г. Тырново Г. Живков, вместе со своими советниками и добровольными помощниками с утра и до вечера хлопотали, чтобы их пристроить. Но была и иная позиция, которую высказал старец дядо Велко на одном из заседаний городского совета, перед которым была поставлена задача найти пристанища и пищу для беженцев. Он заявил: «Пусть как собаки вымрут, не пожалею их». Причина его ненависти заключалась в том, что беженцы, идя из Габрово, обобрали его виноградник, сорвав даже незрелую ягоду. И таких болгар, как злой дядо Велко, было много в селениях Горна Оряховица, Лясковец, Самоводене и др.⁸⁸.

Священник П. Стоев, впоследствии архимандрит Софроний, вспоминал, как после возвращения в Тырново из Горного Студня, где он служил в церкви, которую посещали Александр II и члены Главной квартиры, его вызвал к себе Д. Цанков. Вице-губернатор направил П. Стоева в сопровождении трех жандармов в с. Лясковец, так как его население не хотело принимать беженцев. (В августе туда уже приезжали штабс-капитан Исаков и переводчик Д. Ганчев.) Священнику выдали открытый лист, предъявителю которого необходимо было оказывать всяческое содействие. В противном случае он мог обратиться за помощью к русским военным, стоявшим в этом селении. В Лясковце Стоев прочитал предписание и указ губернатора о беженцах перед собравшимися семи старейшинами (первенцами) во главе с управителем

даскалом Петром, которые, однако, вновь не согласились принять беженцев. Они сообщили, что в их городе уже имелось 100 человек из-за Балкан, но и их следовало выселить и разместить в других местах. На все увещевания священника они отвечали решительным отказом. П. Стоев в своем рапорте отчитался перед Цанковым, подробно описав, кто из старейшин что говорил. Вице-губернатор попросил его не покидать Лясковец. 21 ноября в город прибыл военный окружной начальник Богданович и перед собравшимся населением и старейшинами прочитал приказ губернатора, который гласил, что за невыполнение правительственного распоряжения семь старейшин (первенцев) наказываются взиманием с каждого штрафа в размере 25 руб. и тремя месяцами тюремного заключения в Капиновском монастыре. С каждого дома Лясковца взыскивается штраф в один рубль, т.е. все 1050 домов должны выплатить 1050 руб. В тот же день первенцы были отправлены под конвоем в монастырь, и одновременно начался сбор штрафа (После падения Плевны первенцы были помилованы.) Впоследствии лясковчане селили в свои дома беженцев с бóльшей готовностью⁸⁹.

Можно было бы оправдать подобное отношение жителей Лясковца к забалканским болгарам, если бы их поселение пострадало от турецкого варварства и его жители с трудом сводили концы с концами. Но нет. Д. Ганчев свидетельствовал, что его односельчане собрали хлеб с полей бежавших турок и присвоили себе их оставшийся скот. А урожай в тот год был небывалым. Большие сельские дворы были переполнены копнами и стогами, которые не успевали молотить. Ганчев констатировал, что люди разбогатели из-за нового изобилия и прошлогоднего запаса. «В самом бедном доме играли золотыми полуимпериялами, полученными через перекупщиков от интендантства». Продукты, вино и ракия подорожали. Болгары из Габрово и Трявны приезжали в Лясковец, чтобы купить вина и ракии и за ценой не стояли, лишь бы они были хорошего качества, так как русские знали толк в спиртном⁹⁰.

У практичных болгар бедняк всегда ассоциировался с лентяем и дурным человеком, поэтому, вероятно, они так неохотно принимали беженцев, которых к тому же надо было кормить.

Не зря мать А. Кисьова, просясь на постой в Сельви на одну ночь, уверяла хозяйку, что они не лихие люди, не голодранцы, но в Калофере турки сожгли их дома, одежду, убили мужей, а они, спасаясь, убежали налегке⁹¹.

«Инструкцию» Д. Цанкова, определявшую отношения между местными жителями и беженцами, приняли к исполнению и в Систовской губернии (санджаке)⁹².

После освобождения Ловчи от турок 22 августа 1877 г. сюда вместе с жителями города устремились и беженцы из-за Балкан. 2 сентября на заседании городского совета рассматривался запрос жителей Калофера о том, могут ли беженцы в количестве 1 тыс. человек прийти в Ловчу, чтобы поселиться в брошенных турками домах, и чтобы жители города приняли на себя заботу об их пропитании. Совет отложил ответ до приезда русского окружного начальника подполковника Спокойского-Францевича, но принял решение пускать в пустые турецкие дома беженцев, которые приходили из пострадавших городов и сел⁹³. 5 сентября совет постановил платить Стефанице, супруге доктора из Сельви, приютившей у себя девочку-сиротку двух-трех лет, по 30 грошей в месяц⁹⁴.

Получив 16 октября указания из Тырново, председатель ловченского городского совета И.Т. Драсов [(1848–1901), близкий соратник В. Левского, впоследствии народный представитель Ловчи в Первом Великом Народном собрании (17.04.1879 г.), на котором был избран болгарский князь гессенский принц Александр Баттенберг], отвечал, что в городе уже нашли приют 150 семей из районов Филиппополя, Эски-Загры и Казанлыка. Переселенцы из ловченского округа разошлись по окрестным селам. Однако «Инструкция» Цанкова в большинстве своих разделов была неприемлема в Ловче, поскольку и город, и его жители были ограблены турками и не могли содержать беженцев. Кроме того, значительное число беженцев имели маленьких детей, были больны и не способны работать, хотя в городе оказалось достаточно и таких болгар, которые начали заниматься мелкой торговлей. И всё же городской совет давал пищу тем, кто был совсем беден, имел маленьких детей и не мог работать⁹⁵.

Для Драсова оставались неясными некоторые вопросы из компетенции ловченского городского совета, которые он адресовал

подполковнику Спокойскому-Францевичу, ответившему на них спустя 14 дней (14 ноября 1877 г.), вероятно, проконсультировавшись со своим начальством. Драсов интересовался, имел ли право городской совет сдавать в наем городское недвижимое имущество бежавших турок, и получил ответ, что имел, но только на полгода. При этом городской совет мог требовать плату за наем жилища только с тех беженцев, у которых были деньги. В отношении неимущих беженцев он должен был руководствоваться «Инструкцией» Цанкова. Спокойский-Францевич разрешил городскому совету смолоть 10 кг кукурузы и раздать бедным переселенцам, которые проходили через Ловчу⁹⁶.

Однако Д. Цанков оценил раздачу продовольствия в Ловче бедным беженцам как непрактичную меру, могущую повлечь за собой нежелательные последствия, так как ловченский городской совет не имел возможности отделить действительно бедствующих от более состоятельных. С другой стороны, беженцы, расквартированные по селам, узнав, что в Ловче раздают продовольствие, немедленно придут в город просить еду. Цанков настаивал, чтобы в Ловче и ее окрестностях неукоснительно и точно соблюдалась «Инструкция»⁹⁷.

Жители Ловчи жили не одним днем, поэтому они вполне закономерно беспокоились о судьбе будущего урожая, в первую очередь, с виноградников бежавших турок. Имел ли право городской совет позволить болгарам обрабатывать виноградники при условии получения с них половины урожая в их пользу? Спокойский-Францевич отвечал, что виноградники обязательно нужно обрабатывать, только правительство еще не решило вопрос о вознаграждении за труд⁹⁸. Губернаторы также ставили вопрос о том, дозволено ли будет местным жителям засеивать поля турецкого населения, бежавшего за пределы занятой русскими войсками Болгарии. В циркуляре от 4 ноября 1877 г. князь Черкасский предлагал объявить населению, что беженцы-болгары, засеявшие осенью такие земли, безразлично, своим ли зерном или зерном из запасов бежавших турок, сохраняли право на жатву, но они обязаны внести поземельный налог. Будущей весной беженцам позволялось засеивать свободные земли бежавшего турецкого населения на тех же условиях, т.е. с уплатой поземельного налога⁹⁹.

Сохранилось много воспоминаний о том, как тяжело приходилось беженцам в чужом краю.

Начало войны застало Петра Иванова (1847–1927), поэта, литератора, революционного деятеля, закончившего белградскую духовную семинарию, в Константинополе, где он работал учителем. Сюда стали прибывать беженцы-турки, которые рассказывали о зверствах болгар, что возбудило мусульманское население столицы Османской империи против болгарского населения города. Иванову с супругой удалось бежать в Белград, откуда он отправился в Тырново. Но оказалось, что двери многих служб в городе были для него закрыты, потому что на службу предпочитали брать тырновцев. В маленькой лавочке, как и учитель и поэт П. Славейков, Иванов стал писать различные прошения, и это занятие очень неплохо вознаграждалось. Как относились жители Тырново к беженцам, становится понятно из замечания Иванова в связи с паникой в городе, когда турки захватили г. Елену (22 ноября 1877 г.). Огромная толпа, нагруженная домашним скарбом, тронулась из Тырново в Систово. «Тогда тырновцы могли понять фракийских беженцев, на которых до этого очень не по-братски поглядывали и принимали»¹⁰⁰, — свидетельствовал Иванов. Елена была вновь занята русскими (2 декабря), и это успокоило население. В январе 1878 г. друзья написали Иванову из Эски-Загры, что необходимо вернуться в родное отечество, потому что здесь требовались «интеллигентные силы». Приехав туда, Иванов не узнал своего города: он лежал в развалинах*. Русские войска уже ушли дальше, в Адрианополь, а возвратившиеся жители самоорганизовались, создав импровизированное управление под названием городского совета. Чтобы прокормить население, они устроили что-то вроде коммуны, в которой вся еда становилась общей и раздавалась каждому по его нуждам. «Действия этого городского совета, а после и окружного совета были достаточно тактичными и не оставили население умирать от голода, как это происходило, когда были за Балканами», — вспоминал П. Иванов.

* А. Илиев свидетельствовал, что все болгарские дома, кроме некоторых на окраинах, сгорели, а турецкие сохранились, но были заняты под комендатуру, телеграф, временную городскую администрацию, а также частными лицами, которые возвратились в город раньше. См.: Освобождение 1878. Спомени. София, 1978. С. 593.

Хотя находились властолюбцы, которые и здесь интриговали, но автор мемуаров не хотел смущать читателя рассказом об этих низких людях и их неблагоприятных поступках¹⁰¹.

А. Илиев (1852–1927), уроженец Эски-Загры, после обучения в Праге и Белграде работал учителем в родном городе. Когда сюда вступил Передовой отряд Гурко, молодой болгарин вошел в городской административный совет. Счастливо спасшись от турок за Балканы, он вполне испытал нелегкую долю беженца. В Тырново все места были заняты, и тырновцы и те счастливицы, которые получили должности в канцелярии, выглядели «аристократами» при сравнении с такими же беженцами, как Илиев. П. Славейков посоветовал товарищу по несчастью, обремененному семьей, поискать работу в разведке и представил его Г.Д. Начовичу, с которым автор мемуаров был знаком еще по Вене. Получив 20 полуимперIALов под расписку, Илиев отправился в Сельви, где собрал достаточно сведений о ситуации в окрестностях Трояна, которые были полны башибузуками. По возвращении в Тырново он нашел место учителя в горнооряховском училище, так как все прежние учителя получили должности в администрации¹⁰².

Асен Кисьов вспоминал, что с приходом зимы наступил голод. Цены в Сельви на продукты питания были очень высокими. Их покупали только те беженцы, кто сумел взять с собой деньги, а большинство голодало. Они не имели теплой одежды, одеял и подстилок, которые заменяла им солома. Жители Сельви сначала давали им пищу, но затем перестали: беженцев было 1000 человек. Как-то собрались болгары из Калофера, Карлово и Сопота и решили захватить городские амбары с хлебом. Комендант города, узнав об этом, издал приказ начать раздавать еду беженцам согласно количеству членов семьи два раза в неделю. Это продолжалось до тех пор, пока амбары не опустели¹⁰³.

Генерал-лейтенант П.П. Карцов, начальник Ловче-Сельвинского отряда, свидетельствовал, что «потрясающие нервы и гнетущие сердце виды представляли семьи болгар, целыми караванами приходившие в Ловчу из-за Балкан или из-за р. Вида». И чем ближе наступала осень, «чем более усиливались непогоды, тем раздирающие душу сцены встречались чаще». На вопрос, куда они идут? — всегда получали один ответ: «Идем туда, где

руссы». «А что могли сделать русы для тысяч подобного люда? Конечно, ни один из нас не проходил, не давши монеты, но надолго ли хватало подобной помощи?»¹⁰⁴ — писал П.П. Карцов.

В воспоминаниях многих русских участников войны, которым случалось проезжать от Тырново к Шипке или спускаться с Шипки в Габрово для отдыха или лечения, обязательно имеются описания увиденного бедствия и страданий исхудалых, босых беженцев, просивших милостыню. У подножия горы располагались артиллерийские парки и полковые кухни. Вольноопределяющийся С. Соболев, в середине августа возвращавшийся после тяжелой болезни в свой 54-й пехотный Минский полк, видел, как «...десятки оборванных ребятишек бегали возле солдатских кухонь, подбирая остатки и объедки, валявшиеся около котлов». Кашевары предлагали болгарам работу, за которую давали еду. «Солдаты обращались с ними весьма покровительственно, хотя и изругает другой, но прибавит: “Это же душа человеческая, христианская, питаться чем ни на есть, а должен!” И делится с ними последним». Беженцы жили здесь же, рядом с кухнями, «в наспех сплетенных шалашах»¹⁰⁵.

Поручик 14-й артиллерийской бригады К.К. Шульце, находившийся на шипкинской позиции в течение всех пяти месяцев, свидетельствовал, что генерал-лейтенант Ф.Ф. Радецкий (1820–1890), командир VIII армейского корпуса, увидев, как трудно офицерам добывать лично для себя продукты, 7 сентября отдал приказ о выдаче им (а также священникам и чиновникам) из казны ежедневно по фунту мяса и по два фунта сухарей. «Этим довольствием, между прочим, многие офицеры делились с несчастными беженцами, какие стали умирать от голода и холода». «Весьма не сердобольные габровские болгары отнеслись довольно равнодушно к своим сородичам и предоставили им право располагаться, как угодно, на высотах вокруг Габрово и возить на осликах или носить на спине в город за несколько галанов (копеек) связки дров и хвороста». Русский офицер подчеркивал, что мизерной платой за такой труд жить было нельзя, «и бедняки буквально пухли от голода, а смертность между ними могла угрожать санитарному состоянию войска». Комендант Габрово «приказал без всякой церемонии принять беженцев в городские

дома и обязал кормить невольных гостей». Тех же, кто не нашел приюта в Габрово, отправили в Дряново, что «спасло много жизней и предотвратило общее бедствие»¹⁰⁶.

Многие офицеры высказывались весьма нелицеприятно в адрес и соотечественников забалканских беженцев, и русского командования. Так, ехавший в начале сентября из Плевны на Шипку живописец В.В. Верещагин утверждал, что беженцы «не встретили ни у своих болгар, ни у нашего начальства никакой организованной помощи и призора»¹⁰⁷. Поручик Шульце писал, что «ходили слухи о каком-то Славянском обществе, на попечении которого должны были быть эти несчастные, но здесь это общество себя не проявило»¹⁰⁸. Понятно, что русские офицеры не знали о работе приютов для детей и стариков. К тому же прекратились массовые раздачи хлеба, став адресными, т.е. его получали наиболее обездоленные беженцы. С наступлением осени и зимы, когда даже у состоятельных забалканских болгар стали подходить к концу деньги, контингент голодавших увеличился, но позиция администрации Цанкова была твердой.

О печальном положении «забалканских жертв-беженцев» беспокоился член Одесского болгарского настоятельства Н.Х. Палаузов. В своем письме к И.С. Аксакову от 22 декабря 1877 г. из Одессы он привел некоторые отрывки из послания некоего своего корреспондента из болгар, состоявшего на службе в русском гражданском управлении. Тот отмечал, что правительство отпустило немалую сумму для помощи беженцам, но «администраторы берегут ее», считая, что благодаря этому те «сделаются дармоедами». Несчастливым детям и женщинам, которые «ходят босые и голые», суждено было терпеть новые бедствия из-за «неправильных взглядов администраторов, которым хорошо живется и [которые] голодным не верят». Неизвестный автор указывал, что «эти администраторы умеют только налагать на людей и целые общества непомерные штрафы, как, например, 500 руб. на деревню и 3 тыс. мерок пшеницы»¹⁰⁹. Однако он не пояснял, за что взят штраф, кем и с какой деревни. Но явно речь идет о действиях тырновской администрации, непопулярных как среди местных жителей, которые считали их жесткими, так и среди беженцев, считавших их недостаточными.

Весьма важно следующее признание Палаузова, которое может пролить свет на восприятие жителями возникшей ситуации. Опираясь на свой опыт и знание болгар, поскольку сам он вышел из их среды, Палаузов утверждал, что большинство болгарского народа, привыкшего к тому, что турки постоянно грабили и обирали его, «в простоте своей думает, что освобождение его именно в том будет заключаться, что он не только ничего не будет платить, но что его управители сами будут материально помогать ему»¹¹⁰.

Приведенные данные и свидетельства современников убедительно доказывают, что не только чорбаджии (богатые торговцы и старшины селений), имевшие власть в некоторых местных советах, виноваты в неисполнении указаний гражданского управления, как писалось в марксистской литературе¹¹¹. Большинство населения Придунайской Болгарии оказалось не готовым к несению трудной гуманитарной миссии по приему у себя пострадавших фракийских сородичей. Нельзя поэтому согласиться с мнением современного болгарского ученого И. Радева, который в своей монографии «История на Велико Търново. XVIII–XIX век» сообщает о «большой и трогательной заботе руководителей города и всего населения о беженцах». Автор пишет о ряде административных постановлений, но указывает только два: упоминаемые выше предписание председателя Тырновского окружного совета В. Берона от 4 октября и «Инструкцию» Д. Цанкова от 12 октября. Однако эти акты являются лишь производными от целого комплекса мер, проводимых русским гражданским управлением в Болгарии, но о том Радев в своем исследовании умалчивает¹¹².

В существующей историографии практически нет работ о той категории болгарских беженцев, которым удалось спастись от преследований и покинуть территорию Османской империи, не занятую русскими войсками, чтобы через австрийские земли пробраться на родину, где уже не было турок. Они прибывали в Триест и обращались в русское консульство за помощью. Русскому консулу А.Б. Гиршу удалось добиться того, что Общество железных дорог «Sudbahn» наполовину снизило цену на билеты для болгарских беженцев. Кроме того, Общество предоставило русскому консулу несколько бесплатных билетов ежемесячно. Однако немногие из болгар могли воспользоваться даже этим де-

шевым железнодорожным транспортом. Большинство не имели никаких средств, не знали языка и оставались «на руках консульства». Софийский митрополит Мелентий, приехавший в Триест, ходатайствовал за своих соотечественников и сообщил, что много болгарских семейств скрывались в приморских городах Турции, ожидая удобного случая добраться до Триеста. В начале декабря 1877 г. Гирш обратился в Петербургский славянский комитет с просьбой о высылке новой субсидии (прежняя в 1500 руб. была роздана пострадавшим от восстания в Боснии и Герцеговине), а также к Н.К. Гирсу, управляющему Азиатским департаментом МИД и товарищу министра иностранных дел Российской империи, с просьбой «замолвить за несчастных жертв турецкой нетерпимости милостивое слово, не могущее остаться не услышанным». Просьба консула была принята во внимание, и в Триест по предложению министра внутренних дел А.Е. Тимашева Петербургское славянское общество в декабре выслало на нужды болгарских беженцев 3 тыс. руб.¹¹³. Беженцы появились и в Вене, где обращались в русское посольство за пособием для дальнейшего следования в освобожденную Болгарию. Но сумма в 30 тыс. руб., ассигнованная еще в ноябре 1876 г. на выдачу пособий русским добровольцам и болгарам, возвращавшимся из Сербии на родину, уже иссякла. В докладной записке от 20 декабря 1877 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков предлагал, не испрашивая нового кредита от министерства финансов, обратить на выдачу пособий деньги, оставшиеся в смете МИД на 1877 год, а именно 6146 руб. 96 коп. Александр II поставил свою резолюцию: «Со[гласен]»¹¹⁴.

Князь Черкасский не переставал заботиться о пострадавших в результате войны болгарях даже тогда, когда занемог смертельной болезнью (он умер 19 февраля 1878 г.). Незадолго до кончины, 15 февраля 1878 г., он договорился с начальником полевого штаба генерал-адъютантом А.А. Непокойчицким о бесплатной перевозке по железной дороге от Эноса до Иени-Загры около 800 человек, жителей Иени-Загры и ее окрестностей, пригнанных турками летом 1877 г. в Адрианопольский санджак¹¹⁵.

Как только русские войска перешли через Балканы, за ними следом двинулись массы беженцев, несмотря на зимний холод. Болгары из Эски-Загры знали, что их город разрушен, но они

«настолько настрадались, настолько им опостытело скитание по чужим углам, что родные места, хотя и разоренные, влекли к себе с неимоверной силой», — писал Г. Абаджиев (ок. 1859 — ок. 1940), уроженец Эски-Загры, вступивший добровольцем в VII дружину Болгарского ополчения 18 августа 1877 г. в Тырново. Он тоже отправился на родину, взяв отпуск, чтобы посмотреть, что стало с его домом, а также в надежде узнать о судьбе своих родных¹¹⁶.

А. Кисьов вместе с другими калоферцами поспешил домой через Шипкинский перевал и благополучно добрался до Малко село, оставленного турками со всеми вещами, даже с недопеченным хлебом. А путь через Троянский перевал оказался труднее, и некоторые из болгар замерзли. В Малко село беженцы ни в чем не нуждались, создали свое управление, хотя здесь их настиг тиф, который унес больше жизней, чем в Сельви. Через год и три месяца из Казанлыка пришло предписание покинуть село, куда должны были вернуться их прежние хозяева-турки. Беженцы возвратились в Калофер. Сюда пришли мастера из Македонии, и город отстроился за четыре месяца, но он уже не походил на прежний с красивыми зданиями, улицами, церквями, монастырями и библиотеками. Кисьов привел потери населения Калофера за период войны: в 1877 г. турки убили здесь около 630 человек, во время скитаний и до возвращения в Калофер от разных болезней умерло более 1100 человек. «Только в нашей семье было убитых и умерших шесть человек»¹¹⁷, — приводил печальную статистику Кисьов.

Д.Г. Анучин констатировал, что, несмотря на все усилия русского гражданского управления в Болгарии, подавляющее большинство беженцев бедствовали, и положение их было весьма тяжелым в материальном отношении. «Весь выигрыш от бегства на северную сторону Балкан выражался только отсутствием страха за жизнь»¹¹⁸, — подчеркивал он.

На наш взгляд, важны подсчеты Анучина той суммы, которая пошла на облегчение положения забалканских беженцев: «Принимая во внимание, что правительство тратило в месяц до 35000 руб. золотом, что расходы болгарского земства были не менее той же суммы, что беженцы в большом числе оставались еще на северной стороне Балкан до самого Сан-Стефанского договора и

далее, что пособия в виде уборки хлеба, сенокосов и выдачи доходов с турецких имуществ равнялись, по меньшей мере, 300000 руб., и наконец, что Красный крест и Славянские комитеты израсходовали на эту помощь не менее 50000 руб., можно сказать, что расходы казны и земства на беженцев только деньгами простирались, по крайней мере, до 625000 руб. золотом, то есть достигали до крупной цифры 2500000 франков».

Заслуживают внимания также дальнейший вывод генерал-лейтенанта Анучина и его оценка деятельности русского гражданского управления в Болгарии: «Все вышеприведенные меры с достаточной и несомненной ясностью доказывают, что беженцы, явившиеся на северную сторону Балкан несчастными жертвами войны и варварства турок, были предметом серьезного внимания гражданского управления, и для облегчения их горькой участи сделано было всё, что представлялось возможным в тогдашних чрезвычайных обстоятельствах»¹¹⁹.

Огромный приток беженцев из-за Балкан стал настоящим экзаменом для формировавшейся административной системы Болгарии. Комплекс мер, предложенных Черкасским, вкуче со значительными денежными средствами, выделенными русским командованием и славянскими комитетами для оказания помощи беженцам, был вполне реалистичен в исполнении, чтобы действительно облегчить участь попавших в беду людей. Русские офицеры (четыре человека) и представитель славянских комитетов в Болгарии положили начало претворению в жизнь предписаний Черкасского (организация приютов, расселение семей по турецким усадьбам, раздача хлеба и материальной помощи, предоставление права снимать урожай с турецких полей на льготных условиях и т.п.). Местная администрация тырновского санджака, состоявшая из болгар, была призвана продолжить все указанные мероприятия. Но лучше понимая характер своих соотечественников, администраторы руководствовались в своей деятельности, прежде всего, опасением породить иждивенчество, т.е. дармоедов. Оттого и была скупа рука, подававшая помощь. Местное население (особенно на фоне сострадания русских солдат и офицеров к тяжелому положению беженцев) также не отличалось щедростью и милосердием по отношению к пришельцам из-за Балкан.

Примечания

- ¹ Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. под редакцией генерал-майора Н.Р. Овсяного (далее — СМГУОБ). Вып. 1. СПб.: Типография «Товарищества Художественной Печати», 1903. С. 3–5.
- ² *Анучин Д.Г.* Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // Русская старина (далее — РС). 1895. Т. 83. № 4. С. 55.
- ³ Освобождение Болгарии от турецкого ига (далее — ОБ). Т. 2. М.: Наука, 1964. С. 106, 109, 118–119.
- ⁴ Отчет Одесского болгарского настоятельства с 1 апреля 1877 по 1 февраля 1878 г. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. С. 3.
- ⁵ ОБ. Т. 2. С. 95, 96–97, 98, 99, 106–107.
- ⁶ *Овсяный Н.Р.* Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин // РС. 1909. № 4. С. 373–375.
- ⁷ *Георгиевский Д.* Гражданское управление в Болгарии в 1877–1879 гг. // Наблюдатель. СПб., 1882. № 9. С. 132; ОБ. Т. 2. С. 564.
- ⁸ *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 8. С. 45.
- ⁹ *Овсяный Н.Р.* Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин // Русская старина. 1909. № 3. С. 44–54; № 4. С. 365–376; № 5. С. 579–586.
- ¹⁰ *Гандев Хр.* Руската помощ за изграждането на Българската държава през 1877–1879 гг. // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София: Изд-во на Българската комунистическа партия, 1958. С. 308–350; *Никитин С.А.* Русское гражданское управление в Болгарии (1877–1879 гг.) // Освобождението на България. 1878–1968. София: изд-во на Българската академия на науките, 1970. С. 27–41; *Хевролина В.М.* Россия и воссоздание болгарского государства // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 435–444.
- ¹¹ *Гандев Хр.* Руската помощ... С. 309.
- ¹² См., напр.: *Тодоров Г.Д.* Временното руско управление в България през 1877–1879. София: изд-во на Българската комунистическа партия, 1958. С. 129–131.
- ¹³ *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда // Военный сборник (далее — ВС). 1900. Т. 255. № 9. С. 46.
- ¹⁴ *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 4.
- ¹⁵ *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 46.
- ¹⁶ Там же. С. 46–47.
- ¹⁷ *Петков Ст.* Как се освободи гр. Ловеч от русите преди 50 години (лични спомени) // Град Ловеч (бележки и спомени) по случай 50 г. от освобождението на града. (1877–1927). Ловеч: Печатница «Светлина» на Ст. Рясков, 1927. С. 13.
- ¹⁸ *Костов Ив.М.* Освобождението на Ловеч и ролята на Иванчо Павлов Касабов (Ахмака) // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. София: печатница П. Глушков, 1934. С. 57–58.
- ¹⁹ *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 20.
- ²⁰ *Вырыпаев Н.* Шесть месяцев на Шипке (посвящается защитникам Шипки). СПб.: ред. журн. «Чтение для солдат», 1884. С. 21.
- ²¹ *Чичагов М.* Передовой отряд. (Воспоминания о походе) // ВС. 1878. Т. 122. № 8. С. 352.

- 22 *Сварковский*. Боевая хроника 36-го пехотного Орловского полка за 1877–1878 г. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). Вып. 10. СПб.: Военная типография, 1902. С. 55.
- 23 *Киснемский Г.П.* Шипкинский перевал // Артиллерийский журнал (далее — АЖ). 1880. № 2. С. 178.
- 24 *Поликарпов И.С.* О действиях полевой артиллерии на Шипке с 5 июля по 15 августа 1877 г. // АЖ. 1879. № 6. С. 701.
- 25 *Депрерадович Ф.М.* Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. бывшего командира 1-й бригады Болгарского ополчения полковника де-Прерадовича. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1881. С. 151.
- 26 Генерал-лейтенант Кренке начальнику штаба армии, 27 июля 1877 г., № 17, проход Шипка // СМ. Вып. 24. СПб.: Тип. «Бережливость», 1900. С. 296.
- 27 *Кренке В.Д.* Шипка в 1877 г. (Отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В.Д. Кренке) // Исторический вестник. 1883. Т. XI. № 1. С. 114–115.
- 28 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 13.
- 29 *Анучин Д.Г.* Тырнов и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1893. Кн. 10. С. 634.
- 30 СМ. Вып. 26. СПб.: Тип. «Бережливость», 1899. С. 188.
- 31 *Анучин Д.Г.* Тырнов и Шипка. С. 646–647.
- 32 *Пясецкий П.Я.* Два месяца в Габрово. Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг. // ВЕ. 1878. Т. 5. Кн. 10. С. 524.
- 33 *Анучин Д.Г.* Тырнов и Шипка. С. 634.
- 34 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 22.
- 35 ОБ. Т. 2. С. 195–196, 197.
- 36 Отчет Одесского болгарского настоятельства... С. 8, 22; ОБ. Т. 2. С. 623.
- 37 СМГУОБ. Вып. 1. С. 68.
- 38 *Овсяный Н.Г.* Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг. Вып. 1. Заведывавший гражданскими делами при главнокомандовавшем действующей армии д.с.с. князь В.А. Черкасский. СПб.: Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 1906. С. 316–317.
- 39 ОБ. Т. 2. С. 195–196, 197.
- 40 Там же. С. 225–226.
- 41 *Овсяный Н.Г.* Русское управление в Болгарии... Вып. 1. С. 317–318.
- 42 Там же. С. 319.
- 43 ОБ. Т. 2. С. 260.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 260–261.
- 47 Там же. С. 261.
- 48 *Овсяный Н.Г.* Русское управление в Болгарии... Вып. 1. С. 318.
- 49 Там же. С. 56.
- 50 Освобождението 1878. Спомени. София: Български писател, 1978. С. 479–480.
- 51 Там же. С. 495, 498.
- 52 ОБ. Т. 2. С. 228.
- 53 Там же. С. 236.

- 54 Там же. С. 280.
- 55 Там же. С. 256.
- 56 Там же. С. 262.
- 57 *Генчева Ц.П.* Из дейността на Временното руско гражданско управление (1877–1878 г.) в старата българска столица Търново // Висше военно общовоисково училище «Васил Левски». Научни трудове. Кн. 54. В. Търново, 1997. С. 59.
- 58 ОБ. Т. 2. С. 410.
- 59 *Георгиевский А.С., Мицов З.В.* Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. М.: Медицина, 1978. С. 109–110.
- 60 Отчет Одесского болгарского настоятельства... С. 5.
- 61 СМГУОБ. Вып. 1. С. 68.
- 62 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1896. Т. 85. № 1. С. 75.
- 63 ОБ. Т. 2. С. 262.
- 64 Там же. С. 373.
- 65 ОБ. Т. 3. М.: Наука, 1967. С. 293–294.
- 66 Там же. С. 294.
- 67 Там же.
- 68 ОБ. Т. 2. С. 262–263.
- 69 Там же. С. 275.
- 70 Там же. С. 276.
- 71 Там же. С. 262.
- 72 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1896. Т. 85. № 1. С. 75–76.
- 73 ОБ. Т. 2. С. 262.
- 74 *Ганчев Д.* Спомени. В. Търново: Слово, 2005. С. 73–74.
- 75 Там же. С. 74.
- 76 СМГУОБ. Вып. 1. С. 70.
- 77 Там же. С. 71–72.
- 78 ОБ. Т. 2. С. 293.
- 79 СМГУОБ. Вып. 1. С. 69–71.
- 80 ОБ. Т. 2. С. 319–320.
- 81 Там же. С. 292.
- 82 Там же. С. 295.
- 83 Освобождението 1878. Спомени. С. 591.
- 84 ОБ. Т. 2. С. 295–297.
- 85 *Радев И.* История на Велико Търново XVIII–XIX век. В. Търново: Слово, 2000. С. 680.
- 86 ОБ. Т. 2. С. 293–294.
- 87 Там же. С. 335–336.
- 88 *Ганчев Д.* Спомени. С. 73.
- 89 Освобождението 1878. Спомени. С. 725–726.
- 90 *Ганчев Д.* Спомени. С. 69.
- 91 Освобождението 1878. Спомени. С. 496.

- 92 ОБ. Т. 2. С. 324.
- 93 Там же. С. 257.
- 94 Там же. С. 270.
- 95 Там же. С. 298.
- 96 Там же. С. 309–310.
- 97 Там же. С. 322–323.
- 98 Там же. С. 310.
- 99 Там же. С. 320–321.
- 100 Освобождението 1878. Спомени. С. 648–649.
- 101 Там же. С. 652–653.
- 102 Там же. С. 590–593.
- 103 Там же. С. 500.
- 104 *Карцов П.П.* Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. 5. СПб., 1879. С. 342.
- 105 *Соболев С.* Русско-турецкая война в Болгарии 1877–1878. Из рассказов вольноопределяющегося // РС. 1887. Т. 55. № 7. С. 194–195.
- 106 *Шульце К.К.* Радецкий на Шипке. (Из дневника войны 1877–1878 гг.) // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 80.
- 107 *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М.: Изд. Т-ва И. Сытина, 1902. С. 131.
- 108 *Шульце К.К.* Радецкий на Шипке. С. 80.
- 109 ОБ. Т. 2. С. 391.
- 110 Там же.
- 111 *Тодоров Г.Д.* Временното руско управление... С. 129.
- 112 *Радев И.* История на Велико Търново XVIII–XIX век. С. 679–680.
- 113 ОБ. Т. 2. С. 462–463.
- 114 Там же. С. 385–386.
- 115 Там же. С. 539.
- 116 Освобождението 1878. Спомени. С. 674.
- 117 Там же. С. 504–505. Данные, приведенные А. Кисьовым, практически не отличаются от свидетельств Г. Димитрова: в Калофере убитых — 618 человек, от болезни умерли более 1000 чел. См.: *Димитров Г.* Страданията на българите и освобождението на България през 1877–1878 год. 2-е изд. Стара Загора, 2007. С. 244–245.
- 118 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1896. Т. 85. № 1. С. 75.
- 119 Там же. С. 78.